

**ГАЛИНА
ЩЕРБАКОВА**

ЁКЭЛЭМЭНЭ

Галина Щербакова

ЁКЭЛЭМЭНЭ

«ФТМ»

Щербакова Г. Н.

Ёкэлэмэнэ / Г. Н. Щербакова — «ФТМ»,

ISBN 978-5-699-35734-5

ISBN 978-5-699-35734-5

© Щербакова Г. Н.

© ФТМ

Галина Щербакова Ёкэлэмэнэ

... Она просто умирает от любви. Так и говорит себе: «Ой, я умираю». Из всех ощущений, которые накопились у нее за жизнь, это ни на что не похоже. Оно как бы и не от жизни. Значит, от смерти? Потому и «ой, я умираю»? В ней все комом. И ком ее распирает, но совсем не так – распирает и больно. Конечно, и больно тоже. Есть это ощущение. Но не оно главное. Главное... Ну, конечно, главное – ой, я умираю... Но одновременно и счастье... Одновременно и счастье... Да! Именно. Она нюхает халат, к которому притулилась. Прихватывает его губами, ртом... Махра есть махра. Отодвинулась от нее даже, потому что сбила ее с толку дура матерчатая. Хотя все ее *вещи* она давно перецеловала. Украдкой, тайком, это, конечно, не удовольствие, какое удовольствие прикасаться губами к хозяйственной сумке. Это куда больше. Вот это *больше* она всегда ощущает. *Это больше*. Она ударила себя туда, где обретаются все наши ощущения, чувства, она звезданула эту дерзость – думать о ее махре просто как о махре, которая существует как бы сама собой. Как ты смела, дрянь? Хорошо, что явилась умная мысль: когда она рядом, живая, теплая и прекрасная, ее вещи «меркнут и гаснут», куда им в сравнение... Господи, конечно же! Вон она какая! Через тонкий полиэтилен банной занавески. Розовая, белая, горячая. Как снуют ее руки, сверху вниз, сверху вниз, как бьется об нее красавица струя, как отлетают неудачницы капли, которые мимо, и плачут, плачут, стекая по занавеске. То-то, собаки! Не только мне умирать тут от любви и жевать махру.

– Ну-ка, потри мне спину!

Отдернулся полог. Какая же она! Мамочки мои! Повернулась спиной, сунула в руки намыленную мочалку.

Затряслись руки. Боже, помоги! Вот так, вот так.

– Да ты что? – закричала она. – Как мертвая! (Мертвая, мертвая, все верно, я и есть мертвая.) Ну-ка, сильнее! Еще! Еще!! Еще!!! Во! Дошло наконец!

Дошло. Она даже вспотела. Споласкивала руки и смотрела на капли пота на лбу и под носом. Шмыгнула изо всей силы.

– Не шмыгай носом! Сколько раз тебе говорила. Имей платок!

– Имею, – ответила почти без голоса. Достала и продемонстрировала умение пользоваться платком. А она растиралась полотенцем, и от нее шел пар, и надо было надышаться этим паром, потому что он важнее кислорода, озона, какие там еще составные?

– Из чего состоит пар? – спросила.

– Ну, в твоём возрасте такое надо знать. По-моему, с этого начинается химия...

– Значит, я не была на этом уроке, – в ней зашевелилось – снулое? спунное? – заспатое, балда, – хамство. – На все ходить – очумеешь.

– Скажите, пожалуйста, киндервуд! – перекинула длиннющие ноги через борт, «наизусть» нашла и сунула ноги в тапочки. Напялила махру. И был-был! – момент, когда горячая голая рука мазнула ее по лицу, и невозможно было удержаться – лизнула.

– Эх! – закричала она. – Ты эти лесбийские штучки брось.

– Какие штучки?

Уже за столом, громко глотая горячий кофе, она объяснила, что это такое.

– Вот так-то, Полина!

– Да знаю я! Я слово не могу запомнить. А людей таких терпеть ненавижу. Я бы их убивала. И мужиков, и баб. У нас в стране, Ольга Сергеевна, очень много гуманизма.

– Что да, то да, – ответила Ольга Сергеевна, с хрустом раскусывая сушку. – У нас этой доброты дурной... А замечено: чем в обществе больше дурной доброты, тем больше слепого зла.

...Полина испытала восторг. Никто из учителей так классно не говорит. Но Ольга! Как печатает. Ни с кем не сравнить. Ходит по классу эта халда-литераторша. Гунявит: «В человеке все должно быть прекрасно...» Посмотрите на нее, люди добрые! Юбка с задницы съехала налево, а она ее смык, смык вверх. Добивается успеха – вылезает из-под юбки комбине. Еще то комбине! Оборванное кружево тут же цепляется за пряжку на сапоге. Сапоги – это вообще полный обвал. Каблуки так изогнулись назад, что это уже нечто. Молния застегнута до середины, а из середины торчит мужской носок хэбэ. И эта крокодила, на которую в одетом виде стыдней смотреть, чем на голую, пишет: «И лицо, и тело, и душа, и мысли». Полина однажды встала на уроке и спросила: «Можно выйти сблевать?» Все грохнуло, а до этой не дошло. Стала приставать, что Полина ела. «О господи! – сказала Полина. – Да я беременная!» Тут уж все легли, потому что только накануне девчонок пропускали через гинеколога. И Полина попала в тот список, который вела завуч: «Девочки». А медсестре достался более важный, секретный. На букву «Ж». Как раз при Полине было. Завуч – медсестре: «Закамуфлируйте как-нибудь иначе. Нечего такое обнародовать». – «Ну, как? – спросила медсестра. – Девочки и женщины. Грамотно?» – «Напишите – НД. А я поставлю одно Д». Так вот, Полина была Д.

– Целка, – сказала она, выходя из кабинета.

– Ну, ты даешь! – засмеялись девчонки.

– Наоборот! – сказала Полина.

А тут: я беременная. Литераторшу закачало на кривых каблуках. Схватила рукой за стул, аж до синих пальцев. Полина гордо хлопнула дверью и пошла искать по школе, где звенит голос ее богини, ее красавицы, Ольги Сергеевны. Нашла и легла под дверью. Ей все время хочется сделать во имя Ольги что-то унижительное для себя. Лечь вот так под дверь, лизнуть сапог, дать себя пнуть. И не дура Полина, чтоб не понимать – вот как я перед ней стелюсь. Но шутка в том, что ей это даже интересно – вон она какая, оказывается, ручная, прям тащится от этой бабы... Бывает же такое... «Была б я себе матерью, – думает Полина, – я б начистила свою собственную морду. Гордость же теряю! Плавлюсь, и не при какой-нибудь тыще градусов, при тыще плаваются все, а, можно сказать, при полном нуле». Полина лежит под дверью и самоистязается, можно сказать, с удовольствием. Ну, какая же человек дрянь! Ну, какая же он мразь! Но с такой собой ей интересно, а до Ольги временами хотелось удавиться. Что останавливало? А язык наружу! И говорят – мочишься. Ну? Лучше куковать на этом дерьмовом свете, чем такой вид.

Свистело Полине в бок будь здоров, потому что такого, чтоб не открыть форточку на уроке, у Ольги не было. Хоть изойдись чихом и соплями – не закроет.

– Сквозняки придумали трусы. Самые последние из них. Которые не только всего боятся, но даже воздуха. Его движения. Настоящий же человек испытывает наслаждение от его потоков, идущих сквозь и вокруг него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.